

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
16–18 ИЮНЯ 2011

**КРУГЛЫЙ СТОЛ ЭКОНОМИСТОВ: ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ
РИСКОВ**

Обеспечение глобального экономического роста

17 июня 2011 г. — 15:45–17:00, Павильон 3, Амфитеатр

Санкт-Петербург
2011

В рамках данной сессии, участие в которой примут ведущие мировые эксперты в области экономики, пройдет обсуждение и будет предпринята попытка определить ключевые факторы риска и возможности глобальной экономики, в частности, проблемы развивающихся рынков как на ближайший год, так и в долгосрочной перспективе.

Модератор:

Сергей Гуриев, Ректор, Российская экономическая школа

Выступающие:

Олег Вьюгин, Председатель совета директоров, ОАО «МДМ-Банк»

Алексей Кудрин, Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Министр финансов Российской Федерации

Ярослав Лисоволик, Член правления «Дойче Банк» в России, Главный экономист, Руководитель аналитического департамента "Дойче Банк" в России

Брайан Лич, Главный директор по управлению рисками, Citigroup

Владимир Мау, Ректор, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Такаси Нисиока, Президент Японской ассоциации по торговле с Россией и новыми независимыми государствами (РОТОБО)

Роланд Нэш, Старший партнер, Verno Capital

Елена Сальгадо, Заместитель Председателя Правительства и Министр экономики и финансов Испании

Алех Цывински, Профессор экономики, Йельский университет

С. Гуриев:

С минуты на минуту мы начинаем круглой стол экономистов. Сегодня речь пойдет об «известных неизвестных» — о существующих рисках, способных проявиться в самый неожиданный момент. Наше обсуждение обещает быть очень интересным. Но для начала давайте посмотрим короткое видео, которое для нас подготовили организаторы. У вас есть еще полторы минуты, чтобы занять свои места. Видео, пожалуйста. Спасибо.

<Видео.>

Рад приветствовать вас на нашем заседании. У нас не так много времени, поэтому не стану представлять вам участников, а перейду сразу к докладам. И для начала несколько вводных слов.

Сегодня мы собрали здесь выдающихся ученых-экономистов, экспертов и ведущих руководителей, для того, чтобы выявить потенциальные риски глобальной экономики. Наши выступающие условно разделились на две группы — оптимистов и пессимистов. Как видите, пессимисты оказались в большинстве. Конечно, это относительное разделение, потому что по многим вопросам наши участники занимают разные позиции. Итак, как было сказано в видеоролике, есть известные нам риски и потенциальные риски, о которых мы не подозреваем. Размышляя об известных рисках, я попросил участников подумать, что ожидает США в экономическом, инфляционном и финансовом отношении, как и когда будет происходить фискальная консолидация, если, конечно, будет. Второй не менее важный вопрос — ситуация в Европе: как поведут себя Греция и другие страны с большим долгом и высоким ВВП? Среди других тем — образование «пузырей» на развивающихся рынках. Все обеспокоены, что деньги, которые печатает США, инвестируются по всему миру, по большей части в развивающиеся рынки. Это дает основания считать стоимость активов Китая и других развивающихся стран «мыльным пузырем». К тому же, возрастает волатильность цен на продовольствие. Ощущаются последствия

катастрофы в Японии. Какие еще катаклизмы могут произойти? Какие другие «черные лебеди», подобные землетрясению в Японии и событиям на Ближнем Востоке, могут ждать нас в будущем? Давайте узнаем мнение наших участников.

На каждое выступление отводится пять минут. Затем выступающие смогут задать друг другу вопросы и ответить на вопросы из зала. В конце дискуссии будет проведено голосование: чьи доводы — оптимистов или пессимистов — по каждому из обозначенных рисков окажутся более убедительными? Без дальнейшего промедления передаю слово Такаси Нисиоке, который расскажет о ситуации в Японии и о последствиях бедствия. Прошу Вас. У меня сейчас нет возможности представить всех участников, потому что наше время сильно ограничено. Такаси, Вам слово.

Т. Нисиока:

Для меня большая честь принимать участие в работе Форума. Пользуясь предоставленной возможностью, я бы хотел выразить глубочайшую признательность населению России и других стран за ту поддержку, которую вы оказали нам после Великого восточного японского землетрясения. Сегодня я расскажу о том, какие последствия для японской и мировой экономик повлечет за собой эта катастрофа.

11 марта произошло сильнейшее землетрясение магнитудой в девять баллов по шкале Рихтера, вызвавшее мощнейшее цунами. Бедствия такого масштаба происходят раз в тысячу лет. 24 тысячи человек числятся погибшими и пропавшими без вести. Ущерб Японии составил порядка 200 миллиардов долларов США, что составляет 3% ВВП нашей страны. В результате, ВВП Японии снизился в первом квартале на 3,7% в пересчете на годовой рост. Однако восстановление роста японской экономики происходит быстрее, чем ожидалось.

Так, предусмотренные в поправках к закону о бюджете затраты на восстановление территорий, принявших на себя основной удар стихии, составили 50 миллиардов долларов США. Налаживается система снабжения, возобновляются производство и экспорт. Уровень потребительских расходов постепенно поднимается к прежнему показателю. Кроме того, ведется восстановление инфраструктуры: путей железнодорожного сообщения, автомобильных дорог, портов. В рассмотрении находятся дополнительные поправки к бюджету в размере около 190 миллиардов долларов США. Ввиду всего вышеизложенного, ожидается, что ВВП Японии вырастет на 0,3% по итогам 2011 года и на 2,4% в 2012 году.

В качестве примера восстановления после стихии позвольте рассказать вам о Mitsubishi Motors Corporation. Сначала мы были вынуждены сократить производство из-за дефицита поставок электроники от Unisys Electronics Corporation, обладающей крупнейшей долей на рынке микропроцессоров для автомобилей. Но теперь, благодаря усилиям Unisys и поддержке производителей автомобилей, мы рассчитываем достичь годовых показателей, запланированных на 2011 год, за счет полного восстановления производственной структуры к сентябрю и увеличения объемов производства в последующие месяцы.

Серьезную обеспокоенность Японии вызывает вероятность дефицита электроэнергии в течение летнего периода. Была принята инициатива по сокращению потребления электроэнергии предприятиями на 15%. Принимаются различные меры, чтобы избежать этим летом плановых отключений. Кроме того, многие страны мира значительно увеличили поставки электроэнергии в помощь Японии. Надеюсь, перебоев с электричеством удастся избежать, и эта ситуация никак не отразится на промышленности страны.

В будущем Японии, вероятно, понадобится увеличить использование возобновляемой энергии. В настоящее время доля ветровой и солнечной энергии в структуре японской энергетики составляет всего около 1%. Японское бизнес-сообщество призывает, во-первых, начать политику по более эффективному использованию ископаемых энергоносителей, таких как нефть, газ и уголь; во-вторых, сохранить первостепенные позиции за атомной энергетикой с учетом необходимых технологических доработок, и в-третьих, обратить внимание на возобновляемую энергию — изучить рынок технологических инноваций и оценить затраты на ее производство.

Что касается российско-японских отношений, то в 2008 году объем нашей внешней торговли достиг своего максимума и составил 30 миллиардов долларов США. В 2009 году в связи с мировым финансовым кризисом этот показатель понизился, но Россия смогла вернуться к 80% максимального уровня. Японские автомобильные компании, такие как Toyota, Nissan, Mitsubishi расширили свое присутствие в России. На Дальнем Востоке России осуществляется ряд конкретных проектов сотрудничества между японскими и российскими компаниями. Я твердо убежден, что в будущем роль российско-японского сотрудничества значительно возрастет, особенно в сферах автомобилестроения, инфраструктуры и энергетики.

В заключение, хотелось бы сказать, что произошедшая катастрофа нас многому научила. Необходимость информационной открытости стала одним из таких уроков. Из-за невероятной растерянности в связи с ситуацией на атомной станции информирование не было организовано должным образом. Это породило недоверие не только внутри страны, но и со стороны других государств, дав почву самым невероятным слухам. Правительство Японии пересмотрело свою политику информирования зарубежных стран в пользу большей открытости и прозрачности.

И в этом нас поддерживает Международное агентство по атомной энергетике. Могу сказать, что информационная открытость Японии улучшается.

Большое спасибо за внимание.

С. Гуриев:

Большое спасибо, господин Нисиока. От лица всех участников сессии выражаю Вам соболезнования по поводу произошедшей трагедии. Мы все восхищены стойкостью, с которой японский народ справляется с этой бедой. Эта история стала для нас напоминанием о том, что надо быть скромнее в своей уверенности, будто мы можем все предусмотреть. Перед лицом стихии наши планы могут превратиться в прах.

Но давайте будем оптимистами. Как я сказал, все зависит от отношения. В одних странах люди настроены оптимистично — в других преобладают пессимистичные настроения.

А сейчас позвольте мне представить вам Роланда Нэша, старшего партнера инвестиционного фонда Verno Capital. Вам слово, Роланд.

Р. Нэш:

Спасибо, Сергей. Мне бы хотелось поблагодарить Deutsche Bank и организаторов Форума за предоставленную возможность принять участие в работе этой сессии.

В действительности, оптимист вы или пессимист относительно событий, происходящих в мире, зависит от того, где вы находитесь, и я говорю не только об этом заседании, а в широком смысле. Тот факт, что мы собрались не в Брюсселе, а в солнечном Санкт-Петербурге, дает нам основания с оптимизмом смотреть в будущее мировой экономики.

Прогнозы МВФ, касающиеся мировой экономики, никогда не были более благоприятными, чем в последнее время. Посмотрим на цифры.

Средний годовой экономический рост в период с 1950-х по 2000 год составлял 3,5%. Резкий рывок произошел в промежутке между 2003 по 2008 годами, когда темпы развития увеличились с 3,5% до 4,7%. Это был самый стремительный рост за пятилетку в истории. Затем произошел кризис 2009 года. И нам известно, что случилось потом.

Судя по прогнозам, сделанным на основе последних опубликованных данных, и первым признакам, подтверждающим их правильность, в период с 2010 по 2016 год, на протяжении всех семи лет, экономический рост составит в среднем 4,6% в год. То есть мы вернемся к докризисному показателю, который, напомним, был самым высоким в экономической истории.

Но существуют два основных фактора риска, связанных с этими цифрами. Первый — неравномерность роста в разных странах мира. Отсюда важность того, где вы находитесь.

Возьмите данные МВФ и посмотрите, в каких странах ожидается самый высокий экономический рост в ближайшие семь лет: на пятом месте — Мозамбик, на четвертом — Индия, на третьем — Эфиопия, на втором — Китай, а самые большие ожидания связаны с ростом Монголии.

Если же мы обратимся к самой нижней части списка, то в замыкающей пятерке окажутся Испания, Япония, Италия, Греция и Португалия. Видите, настолько ощущение роста экономики зависит от того, где вы находитесь.

Итак, это был первый потенциальный риск. Второй риск, и на этом я остановлюсь, — это уровень волатильности, связанный с отличием развивающихся и развитых стран. По этой причине огромные надежды сейчас возлагаются на то, что быстрорастущие экономики смогут ускорить развитие стран с низким ростом и помогут им решить ряд структурных вопросов за счет общемирового роста.

Самым большим риском для быстрорастущих экономик можно назвать ситуацию в Европе и США, сложившуюся в плане решения этих структурных вопросов.

На этом я хотел бы закончить.

С. Гуриев:

Большое спасибо, Роланд. Абсолютно согласен: люди, живущие в быстроразвивающихся странах или где-нибудь на Мальдивских островах, в чем мы сошлись сегодня с Олегом Вьюгиным, смотрят на мир намного оптимистичней.

А сейчас я обращаюсь к Елене Сальгадо, заместителю председателя правительства и министру экономики и финансов Испании. Роланд указал на ряд моментов: на вопрос роста и вопрос финансов. Какова Ваша точка зрения на происходящее в Европе и мировой экономике в целом?

Е. Сальгадо:

Меня очень удивило, что Роланд считает себя оптимистом. Но мы, пожалуй, обсудим это позже.

Спасибо, господин модератор.

Как говорит Кейнс, «при встрече с неопределенностью человеку свойственно предполагать, вопреки всем вероятностям, что будущее будет похоже на прошлое». Мне кажется, кризис выявил подобное восприятие рисков в целом, а цифры это только подтвердили. Такое восприятие основано на условной, рациональной оценке фундаментальных экономических факторов. Это говорит о том, что кризис характеризует не только состояние экономики и политики, но и состояние нашего сознания. В этом кроется серьезный риск, потому что после кризиса установится новый порядок, отличный от того, к чему мы привыкли, и переход может

потребовать нескольких лет преобразований как на региональном, так и на мировом уровне.

Вы скажете, что у нас, на европейском уровне, есть проблемы. Согласна. Ситуация все еще непростая, но мы идем большими шагами к выработке общего решения, предполагающего ускоренную фискальную консолидацию, проработку структурных вопросов и обеспечение финансовой устойчивости через глубокую интеграцию в финансовой сфере.

Я занимаю руководящие политические посты в Испании и хотела бы рассказать о ситуации в своей стране и о тех достижениях, которых нам удалось достичь. Кризис дал Испании возможность провести многие преобразования. Он обнаружил некоторую структурную слабость, дисбаланс, который был скрыт в течение значительного периода устойчивого роста. Не могу не отметить, что в последнем десятилетии Испания была самой быстроразвивающейся страной Евросоюза. И, как было сказано, этот стремительный рост привел к серьезному дисбалансу.

Сегодня нам необходимо пройти процесс глубокой структурной перестройки и выработать более устойчивую модель роста. Если рост страны несколько лет подряд составляет 4%, что по меркам Евросоюза очень высокий показатель, а затем вдруг наступает кризис, не затрагивая при этом стран по другую сторону Атлантики, и рост снижается до минус 3–4%, это говорит о системной ошибке. Дело не только в масштабах роста, но и в его устойчивости — и не просто в течение 7–10 лет, но на более длительное время.

Словом, в Испании начался и продолжается процесс масштабной реструктуризации. Внешняя задолженность сократилась вдвое по сравнению с 2008 годом, и это всего за два года. По итогам прошлого года рост стабилизировался и обещает ускориться в 2011, 2012 и 2013 годах. Правительством была разработана амбициозная программа, основанная на двух столпах: фискальной консолидации и антикризисных реформах.

В плане фискальной консолидации нам удалось достичь 11% бюджетного дефицита по итогам 2009 года, и мы рассчитываем снизить его до 3% к 2013 году. Это сложнейшая задача, и хочу сказать, что в 2010 году мы достигли намеченных показателей.

Государственный долг увеличился до 60% ВВП к концу 2010 года, но 60% ВВП — это более чем на 25% ниже, чем в среднем по Европе.

Большие успехи видны в области финансовой реформы и беспрецедентной реструктуризации сберегательных банков. В Испании действовало 45 банков. К концу этого года осталось 16 или 17. Реформа направлена на улучшение управления сберегательными банками; процесс рекапитализации должен завершиться к концу сентября. Коэффициент покрытия банков составит, за некоторыми исключениями, 10%.

Кроме того, в прошлом году мы прошли достаточно прозрачные стресс-тесты. В тестах приняло участие 95% финансового сектора Испании, в то время как в других странах лишь 50%. В следующем году стресс-тесты будут проведены повторно с учетом более негативных экономических сценариев. Мы начали далеко идущие пенсионную и трудовую реформы.

В целом, глядя в будущее мировой экономики и экономики Испании, я испытываю оптимизм: мы готовы к тому, что все будет по-новому. Переход к новому порядку будет происходить не без напряженности, и ключевая политическая задача — уметь справляться с проблемами как государственного, так и мирового значения, то есть быть способными мыслить в рамках сложной системы.

Подводя итоги, хочу сказать, что я оптимист и буду оставаться оптимистом до тех пор, пока мы активно действуем.

Спасибо.

С. Гуриев:

Большое спасибо, министр Сальгадо. Я аплодирую политике Испании. Но, возвращаясь к первому замечанию, касающемуся ЕС: как Вы считаете, приведет ли текущий кризис к созданию более жесткой системы правил, которые будут соблюдать все члены Еврозоны? Стоит ли ждать этого в ближайшем будущем?

Е. Сальгадо:

Безусловно, уже на следующей неделе на Совете глав государств и правительств стран-членов ЕС будет принята новая форма управления ЕС, особенно важная для стран Еврозоны, имеющих общую валюту. У нас нет возможности провести девальвацию или конкурентную девальвацию, как в других странах, нет возможности количественного смягчения, потому что наша валюта не привязана к экономике какой-то конкретной страны. Нам приходится бороться с кризисом с помощью имеющихся у нас инструментов, одним из которых является предотвращение его возникновения.

Помимо финансовых причин, которые играют важную роль, частично кризис обусловлен и макроэкономическим дисбалансом. Это означает, что нам необходимо предотвращать и преодолевать не только бюджетный дефицит и долговые проблемы, но и дисбаланс, возникающий на макроэкономическом уровне.

По этой причине мы готовы к принятию новой формы управления со всеми ее санкциями, требованиями, программой европейского семестра, планированием, графиками, взаимным обменом мнениями о происходящем в каждой из стран для того, чтобы бороться с кризисами и предотвращать их возникновение.

С. Гуриев:

Большое спасибо.

А сейчас давайте обратимся ко второму лагерю. Представляю вам Олега Вьюгина, председателя совета директоров ОАО «МДМ-Банк», который расскажет о ситуации в мировой экономике, а также об экономике США, развивающихся рынков и Китая. Чего мы можем ожидать, Олег?

О. Вьюгин.

Спасибо большое. Я, правда, не услышал, как меня оценивают. Как пессимиста? Хорошо, я не политик, поэтому могу быть пессимистом. Могу попробовать доказать, что я пессимист, хотя, может быть, это и не так.

США.

Если коротко, если посмотреть на последние несколько десятков лет, около 20 лет, реальная зарплата в США не росла, а реальное потребление росло. За счет чего? За счет долларов. Долг как бы финансировал рост потребления и во многом рост экономики. Кроме того, финансовая экономика Wall Street тоже давала определенный прирост. Позволю себе задать вопрос уважаемой аудитории: кто-нибудь сейчас будет дальше финансировать долг домашних хозяйств для того, чтобы росло потребление этих домашних хозяйств? Наверное, нет. Разве что ФРС. Федеральный резерв, вероятно, и может это делать, но, к сожалению, в весьма ограниченных масштабах. Значит, сейчас для США задача — взять паузу в экономическом росте и разобраться в этой ситуации, потому что никто никого больше в долг финансировать не будет.

Европа, Европейский союз.

В принципе, Европейский союз является, с экономической точки зрения, достаточно здоровой экономической зоной. Да, там тоже есть проблема долга, она возникла по схожим мотивам. Оказалось, что можно финансировать потребление некоторых стран с недостаточно конкурентоспособной экономикой за счет долга, что и происходило в разных странах «периферии». Сейчас в Европе тоже возникла ситуация, когда

никто не хочет финансировать этот долг. В принципе, у Евросоюза есть возможности внутреннего перераспределения налоговых доходов.

Мне кажется, что для Евросоюза сейчас главная задача — понять, что такое евро. Евро — это все-таки не просто валюта, а нечто гораздо большее, чем валюта. И нужны, видимо, серьезные решения, которые бы сделали евро действительно локальной, но практически глобальной валютой, потому что Евросоюз является очень небольшим экономическим образованием.

Китай.

Мы связываем большие надежды с тем, что Китай будет вытягивать экономический рост в мире и способствовать росту благосостояния. В чем секрет роста китайской экономики? Первое — это очень мощная мотивация (от простого китайского человека до корпорации) к развитию и росту. Это видно — достаточно просто посетить Китай, посмотреть, как работают люди и что там происходит. Второе — это очень серьезный приток капитала в эту страну, основанный на том, что все инвесторы видят, что такая мотивация существует. Это очень сильно притягивает инвестиции.

И третье — это протекционизм. Что происходит сегодня? Протекционизм начал, в связи с мировыми событиями, рождать большие искажения. Очевидно, что регулятивные власти Китая будут находиться под давлением снижения протекционистских мер. И кстати, об этом сегодня сказал премьер-министр Китая, выступая на пленарной сессии.

Это означает, что для того, чтобы мощности, созданные инвесторами в Китае, работали и продолжали производить добавочную стоимость, необходимо активизировать спрос внутренних потребителей, домашних хозяйств. Это означает, что китайские граждане должны стать богаче. Кстати, об этом сегодня опять-таки сказал премьер-министр Китая. Он сказал, что среднее благосостояние — его цель. Но если китайские граждане станут богаче, их труд будет дороже. Если их труд будет дороже,

для инвесторов уже не будет такой большой маржи, чтобы инвестировать в Китай. Это не является никакой драмой. Это означает, что шаг за шагом темпы роста китайской экономики будут снижаться до какого-то разумного уровня. И поэтому задачу для Китая, наверное, сегодня можно сформулировать так: лучше меньше, да лучше. Это знаменитая фраза отечественного политика начала XVIII века. Иными словами, сейчас экономика должна настраиваться на качественный рост, основанный преимущественно на внутреннем потреблении. И это подразумевает более низкие темпы роста.

Все это говорит о том, что для мировой экономики наступает серьезный период охлаждения. Какие риски, и как это оценивать — как пессимистическое развитие или как оптимистическое? Смотря с какой стороны оценивать. Действительно, более низкие темпы роста сказываются при существующем расслоении прежде всего на малообеспеченных слоях населения в мире. Это и есть главный риск, потому что люди могут не захотеть терпеть такую ситуацию. Я считаю, что это главный риск, даже при очень тщательном и правильном управлении, что непросто, потому что принятие решений для правительств и центральных банков происходит во многом интуитивно, а не на основании экономической теории. Хотя экономическая теория является базой, и любые ошибки в этой сфере могут привести к большим последствиям и рискам.

Очень легко породить кризис через несколько лет — достаточно допустить сегодня большие ошибки в управлении. И в этом смысле я пессимист, потому что понимаю, что такие ошибки могут быть. История показывает, что они совершались. Но я оптимист с той точки зрения, что если таких ошибок не будет, то будет не самый счастливый период в жизни мировой экономики в течение пяти или десяти лет. Но это не значит, что наступит конец света.

С. Гуриев:

Спасибо. Мне кажется, Вы оправдали свое звание пессимиста, но у меня вопрос. Может быть, все будет еще немного хуже. Вы представили сценарий замедления роста в Китае, что, действительно, нормально и естественно. Но нет ли такой вероятности, что это замедление не будет постепенным, не будет «мягкой посадки», а что у нас уже есть «пузырь» и этот «пузырь» в какой-то момент «лопнет»? Или это и есть та самая ошибка, о которой Вы говорили?

О. Вьюгин:

На мой взгляд, ошибка действительно уже была допущена — переоценка стоимости недвижимости в Китае. Возможна переоценка стоимости активов на фондовом рынке. Это уже имеет место. Но судя по тому, как сейчас действуют китайские власти, моя оценка такова: они, во-первых, это понимают, а во-вторых, их действия очень осторожны, и шансы на то, чтобы избежать резкого изменения ситуации, до сих пор существуют.

С. Гуриев:

Спасибо. По сравнению с этой позицией любой человек будет оптимистом. Я передаю слово Ярославу Лисоволику, главному экономисту, члену правления Deutsche Bank в России.

Я. Лисоволик:

Мне кажется, сейчас легко быть пессимистом, особенно оглядываясь на события последних семи месяцев. Быть пессимистом замечательно во всех смыслах: ты либо прав, либо приятно удивлен. Итак, сейчас (хотя, учитывая последние достижения экономики, это будет довольно сложно) я попытаюсь представить вам некоторые основания, которые дают мне возможность смотреть в будущее мировой экономики с оптимизмом.

Первая волна кризиса оказалась не такой уж мощной и масштабной, как предсказывали многие эксперты. Все хорошо помнят прогнозы прошлого и позапрошлого годов, когда экономисты иллюстрировали свои взгляды на эволюцию мировой экономики с помощью различных букв.

Одной из наиболее популярных букв одно время была латинская «L», затем ее сменила «W», но, в конце концов, всем это надоело. Кризис разрешился относительно быстро.

Вторая волна, которую рынки ждут уже почти два года, так и не пришла. А все потому, что это первый по-настоящему глобальный кризис, парализовавший мировую экономику, и мировое сообщество ответило по-настоящему глобальной координацией действий для борьбы с ним. Хотя во время кризиса глобализация оказывает скорее негативный эффект, тем не менее, антикризисные меры, предпринятые в крупных государствах, могут иметь позитивное влияние на другие страны. Вот как это устроено, по мой взгляд.

Поэтому прогнозы касательно мировой экономики, как подчеркнул Роланд, относительно благоприятны, и самое важное, что вторая волна кризиса пока так нас и не накрыла. По нашим оценкам, рост мировой экономики составит 4% в этом году и 4,4% в последующие годы.

Другая группа рисков, о которой уже начал говорить господин Вьюгин, — это риски, связанные с протекционизмом, контролем над движением капитала и девальвационными войнами. Эти факторы не проявились в той степени, в какой нас ими пугали в последние год–два.

Да, были периоды обострений. Да, в некоторых странах ввели контроль над движением капитала. Есть признаки конкурентной девальвации, но все же ее эффект не столь значителен, как предполагалось. И, вероятно, причина в том, что восстановление экономики после первой волны кризиса было достаточно интенсивным и относительно быстрым.

В заключение хотелось бы сказать: посмотрите на функционирование трех основных экономик в мире — Европы, США и Китая. Да, риски есть. Риски обнаруживаются буквально везде. Но, в тоже время, есть и много положительных моментов.

Возьмем, к примеру, Европу: самой большой проблемой остается Греция с ее задолженностями и финансово-бюджетной политикой. Но существует и Германия, рост которой составляет более 3% и, по прогнозам, достигнет 3,3%. И, как мы слышали между строк в выступлении Роланда, чем крупнее страна, тем больший регион она может вытянуть из пропасти.

Если мы обратим внимание на ситуацию в Азии, где существует такой фактор риска, как угроза возникновения «мыльных пузырей» в секторе недвижимости и в других областях, мы увидим, что власти Китая ведут активную предупредительную политику в денежно-кредитной сфере для решения этих проблем. Я считаю, что в целом риски не настолько велики, как о них говорят.

Хочется также отметить, что практически каждый регион испытал на себе влияние мирового экономического кризиса и вынес из этого ценные для себя уроки. Есть признаки того, что страны учатся. Лучшим примером в этом отношении для меня является Россия.

Если сравнить ситуацию в России в период кризисов 1998 и 2008 годов, то разница совершенно очевидна: коррекционные меры, принятые в бюджетной политике, наращивание резервов и досрочное погашение долга — все это обеспечило России надежный заслон, чтобы противостоять стихии кризиса.

Словом, хочется надеяться, что страны выучили свой урок.

С. Гуриев:

Спасибо, Ярослав.

Попытаюсь искусить Вас как адвокат дьявола, то есть адвокат пессимиста. Вы сказали, что в глобализированном мире антикризисные меры могут оказывать влияние на другие страны. Однако мы видим, что большие бюджетные дефициты неустойчивы. Значит, какие-то меры будут свернуты, какие-то меры сворачиваются прямо сейчас. Испания провела фискальную консолидацию. Остальные европейские экономики урежут свои расходы. США придется пройти через консолидацию в финансово-бюджетной сфере. Может ли это привести к спаду? Как Вы считаете?

Я. Лисоволик:

Безусловно, прекращение налогово-бюджетного стимулирования в значительной мере скажется на странах, которые особенно активно пользовались этим для ускорения экономического роста. В то же время, принятие этих мер освободило другие страны от необходимости масштабного закачивания средств в экономику, а значит, зависимость других экономик от сворачивания этих инициатив не столь значительна.

К тому же, не такое уж большое количество стран испытали на себе удовольствие от экономического стимулирования, происходившего в более крупных государствах.

В конце концов, свертывание стимулирования окажет оздоровительное влияние, поскольку направит страны на более устойчивую траекторию, заставит их в большей степени действовать согласно правилам, а не по своему усмотрению. Мне остается надеяться, что так и произойдет: мировая экономика оправится от кризиса и будет функционировать по правилам, а не по чьему-то усмотрению.

С. Гуриев:

Большое спасибо, Ярослав.

Давайте обратимся к пессимистам и узнаем мнение Брайана Лича, возглавляющего управление рисками Citigroup. По определению, Вы, должно быть, осторожный пессимист.

Б. Лич:

Как главный директор по управлению рисками, я не имею никакого права находиться в лагере пессимистов. Хотя бы по той причине, что, как было отмечено, дела в мире идут довольно хорошо. У нас хороший рост. Нам повезло, что развивающиеся рынки растут, а развитые страны продолжают бороться. Выручает поток ликвидности. Здесь можно возразить, что повышение цен на некоторые товары очень помогло. Не слишком высокие и не слишком низкие, эти цены могут оказать значительную поддержку многим странам.

Однако, со своей стороны, я всегда думаю о том, что может произойти, поэтому по большей части я привык искать во всем темную сторону. Я считаю, что фактором риска являются страны Ближнего Востока и Северной Африки. Сейчас в этом регионе происходит смена режимов. Мы не знаем, какие еще страны затронет этот процесс, но можем представить его последствия для мира. Речь идет не только о ценах на нефть. Я говорю о последствиях в целом.

Другой ключевой фактор риска — это государственные задолженности, большинство из которых принадлежит развитым странам, а не развивающимся экономикам. И долги развитых стран — это только следствие других проблем.

Итак, я перечислил основные факторы риска, но возникает вопрос: что будет дальше? Что станет главной проблемой США: продажа долгов или бюджетный дефицит? Отвечу: эти проблемы полностью взаимосвязаны, а вытекающим из них следствием является вопрос, в каких сферах США

придется изменить свою политику? Догадаться несложно: изменения должны коснуться рынка жилья и социальной сферы.

Что касается Европы, всем понятна ситуация Греции. Вопрос в том, выйдет ли кризис за пределы этой страны со всеми вытекающими из этого последствиями?

В значительной мере в мире сохраняется нормативная неопределенность, особенно в финансовой сфере. Но есть и другая проблема: должны ли правила учитывать условия отдельных регионов и особенности конкретных стран.

Существует угроза образования «пузырей» на развивающихся рынках, в частности, из-за значительного притока ликвидных денежных средств в такие страны, как Бразилия. Соответственно, есть основания ожидать «пузырь».

Инфляция растет, и вместе с ней растут цены. Кроме того, в мире остается ряд горячих точек в геополитическом отношении. Для меня такими странами остаются Северная и Южная Кореи. Будем следить за развитием событий в Перу после недавних выборов.

Вот те факторы риска, на которые я советую обратить внимание. Этот перечень ни для кого не новость: самое главное — представлять себе последствия, вытекающие из этих рисков. Именно в них, на мой взгляд, кроется основная опасность.

Спасибо за внимание.

С. Гуриев:

Спасибо, Брайан. А существуют ли риски экономического улучшения? Например, неожиданный рост производительности в какой-нибудь части мира?

Б. Лич:

Пожалуй, существуют. Такая вероятность есть. Японии потребуется восстановление после трагедии. Это первый пример. Кроме того, представьте себе тот положительный эффект, который может оказать удачная продажа долга США, а это может случиться в буквальном смысле в любой момент. Также в сложившейся в Европе ситуации настоящим чудом могла бы стать возможность отделить Грецию от других стран ЕС.

В целом, есть ряд моментов, которые могут создать благоприятную атмосферу. Но есть и ряд ситуаций, развитие которых сложно предсказать: например, какова будет политическая динамика на Ближнем Востоке. Возможно, смены режимов продолжатся; остается непонятным, какие еще изменения могут там произойти.

С. Гуриев:

Спасибо.

А сейчас я передаю слово Олегу Цывинскому, профессору экономики Йельского университета, главе Программы макроэкономических исследований Института Коулза. Олег, прошу Вас.

О. Цывинский:

Спасибо, Сергей. Благодарю организаторов Форума за эту интересную секцию.

Сегодня я расскажу о том, какие тенденции, по моему мнению, станут ключевыми в следующем десятилетии или, по меньшей мере, в ближайшие пять лет. Я полагаю, что мы увидим сближение показателей экономического роста Европы и США. Европа станет похожа на США до кризиса, в то время как рост США замедлится.

Вы спросите, как такое может быть? Согласно заявлениям пессимистов, Европа сейчас на грани масштабного кризиса и, возможно, евро и Европа как проект потерпят крах.

В таком случае давайте обратимся к опыту крупного финансового консолидирования. Известно более ста консолидаций, начиная с 1980 года, и если посмотреть на годовые показатели этих периодов, то окажется, что рост только возрастал.

И если вы придерживаетесь кейнсианского взгляда на расходы или считаете, что свертывание финансовых стимулов приводит к замедлению роста, у вас возникает вопрос, как же это возможно? Что ж, внимание на детали: периоды обширной фискальной консолидации связаны с сокращением расходов, а не с увеличением налогов.

Происходящее сейчас в Европе можно описать так: кризис и финансовые рынки заставляют правительства Испании, Греции, Португалии проводить реструктуризацию, которая была так необходима этим странам; таким образом, мы имеем беспрецедентную ситуацию, которая, вероятно, заложит фундамент нового экономического роста Европы.

Зададим себе и другой вопрос: насколько политически устойчивы эти периоды финансового аскетизма? Политиков, которые идут на принятие таких мер, должны были бы изгонять из власти. Но обратимся к практике, а практика показывает, что финансовая аскеза, в общем, никоим образом не влияет на мнение избирателей. Конечно, случаи бывали разные, но статистика не подтверждает значительной разницы.

Более того, есть статистические подтверждения, что в периоды фискальной консолидации ее сторонники получали чуть большее количество голосов.

К чему же это может привести? Как я сказал, начавшаяся реструктуризация, затронувшая, главным образом, периферийные страны Европы, заложит фундамент будущего экономического роста.

А как же США? С одной стороны, у США есть проблема в виде долга. Долг этот кажется непосильным по своим масштабам. В то же время, нет острого кризиса, который бы заставил правительство и ведущих руководителей США начать широкомасштабные реформы по его сокращению. Именно это,

по моему мнению, приведет к значительному или, по меньшей мере, заметному спаду экономического роста США.

Давайте рассмотрим этот вопрос в иной плоскости: какой выход из этой ситуации выглядит политически наиболее привлекательным? Кто владеет долгом США? Старые добрые зажиточные домовладельцы и иностранцы. Кто является должником в США? Средний класс. Относительно молодой средний класс.

Сопоставим данные: увеличение инфляции облегчает бремя должников по закладным на дома. Получается, что по сравнению с финансовым аскетизмом инфляция выглядит куда более привлекательно. Есть и другой риск инфляции, связанный с медленным экономическим ростом, — низкая доходность долга США. Почему? Потому что все, что происходило с мировой экономикой после кризиса, обусловлено значительным сокращением безопасных активов.

Вспомните 2007 год. У нас на руках были самые надежные ипотечные ценные бумаги. А какие активы являются безопасными сейчас? Пожалуй, у США есть один ценнейший конкурентоспособный продукт — это долгосрочные бумаги, которые позволяет выпускать достаточно продуманная, проверенная временем экономическая политика, что сложно сделать в любой другой стране мира.

Другая тема, которую я хотел бы затронуть, — это Япония. Когда господин Нисиока рассказывал о трагедии, произошедшей у него на родине, я понял, что землетрясение и цунами показали нам, насколько эта страна важна для мировой экономики. Мы часто забываем о Японии из-за «потерянного десятилетия».

Сможет ли произошедшая катастрофа способствовать преодолению десятилетия упадка и возобновлению экономического роста? Если Япония начнет расти, это окажет положительный эффект на всю мировую экономику.

Итак, моя позиция — это позиция «двустороннего» экономиста. С одной стороны, я предвижу экономический рост в Евроне, а с другой стороны — замедление экономического роста в США. Эти факторы, по моему мнению, станут образующими в формировании мирового экономического порядка в ближайшие годы.

С. Гуриев:

Спасибо, Олег.

Позволю себе переформулировать слова Роланда: все зависит от того, в чем находятся ваши активы. Если вы вложились в доллар США, то инфляция — это хорошо; храните сбережения в рублях — вам уже не так весело.

Хочу вернуться к Вашему замечанию по поводу безопасных активов и низкой доходности долга США: Вы имели в виду их номинальную стоимость. Но загадка в том, почему разница между номинальной годовой доходностью и обязательствами, защищенными от инфляции, столь незначительна.

Рынки попросту предусматривают уровень годовой инфляции доллара США в районе 2% в течение ближайших десяти лет. Думаете в этом дело?

О. Цывинский:

Рынок недооценивает вероятность инфляции в США. А произойти она может, как я сказал, из-за политических, экономических причин. Инфляция в США становится политически привлекательным средством, особенно из-за сократившегося предложения безопасных активов — долгов США, которые, несмотря на высокий инфляционный уровень, покупает иностранный сектор.

Так что глобальный дисбаланс, о котором тут много говорили, на деле оказывается глобальным балансом. Долг США можно рассматривать как ценнейшую экспортную статью, которой нет ни в одной другой стране мира.

С. Гуриев:

Прекрасно. Внимание! Если вы не знаете, во что инвестировать, прислушайтесь к Олегу — инвестируйте в инфляцию США.

Спасибо большое, я хотел бы предоставить слово Алексею Леонидовичу Кудрину. Когда он выступает в парламенте, он обычно пессимист. Но перед Вами, по-моему, нет членов партии «Единая Россия», так что Вы можете позволить себе быть центристом. Пожалуйста.

А. Кудрин:

Спасибо. Я сейчас размышлял, пессимист я или оптимист, и понял, что я как финансовые рынки. Когда происходит какое-то позитивное событие, они становятся оптимистами, ставки растут. Если происходит что-то негативное, финансовый рынок тут же меняет свой оптимизм. У меня так же и в правительстве: когда удается добиться хорошего решения, я оптимист, и наоборот.

Сегодня ведущие фондовые индексы во многих странах вышли на докризисный уровень, и мне кажется, они не обеспечены таким же качеством фундаментальных показателей. Поэтому уже пора быть немножко пессимистами, поскольку те риски, о которых мы с утра говорим, могут создать новую ситуацию. И я сегодня уже выступил в роли, скорее всего, пессимиста, потому что считаю, что где-то 25% — это сумма рисков, которая все-таки может сложиться, и мы можем получить существенное понижение роста мировой экономики. Может быть, и не до рецессии, но оно будет существенным даже в среднесрочный период, в ближайшие два-три

года. Сменяются модели действий центральных банков и правительств с точки зрения дефицитов. Сменится ситуация по выявлению плохих активов. Я бы присоединился к коллеге Вьюгину, который назвал риски Америки, Европы, Китая. Добавлю к этому, что американские граждане должны столкнуться с сокращением дефицита и, по сути, потребления, как раз со сменой той модели, которая сложилась до кризиса и которая отчасти являлась причиной дисбалансов, и даже ее породила, когда росло потребление при существенных займах и низком сбережении в США. Сменится ли эта модель в США? Сейчас она, пожалуй, искусственно поддерживается.

Мы говорим, что нет второй волны кризиса. Мы прошли ее, или она все еще впереди? Отчасти искусственными методами поддержки мы ее частично отодвинули. Надеемся, что мы смягчим или не допустим возможности второго кризиса. Но вторую волну мы еще не прошли. Мы сегодня об этом говорили. Будут перестраиваться и бюджетные модели. Представьте себе: сегодня нужно сократить бюджетные расходы в ведущих странах где-то на 15-20%. Это означает, что надо существенно пересмотреть модели социальной поддержки. Пересмотреть приоритеты между различными направлениями и ролью государства в части поддержки из бюджета отдельных отраслей. По-видимому, у нас будут и новые модели социального регулирования, больше ориентирующиеся на средства граждан, то есть на частные платежи, и эта модель должна быть тоже сбалансированной, удобной для населения, иметь какие-то свои страховки. Но общее финансирование социальных услуг резко увеличится. Я думаю, мы стоим перед этим. Наверное, это потребует нескольких лет перехода, но, по-видимому, над этим сейчас будут серьезно работать.

Этот кризис был кризисом глобальной экономики. И мы говорим, что глобальные дисбалансы еще не вполне ликвидированы. Где-то даже, возможно, произошли нарастания дисбалансов. Мы должны понимать, что

мы столкнулись с противоречием глобальной экономики, глобальных потоков капитала и товаров, и национальных систем регулирования. И мы сегодня стоим перед необходимостью формирования наднациональных систем регулирования. Усиление большой двадцатки — это один из примеров. Создание Стабилизационного фонда в Евросоюзе, крупного стабилизационного фонда, рассчитанного на всю зону евро, — это один из примеров. При этом возникает необходимость требовать со всех участников Еврозоны строго выполнять фундаментальные показатели. Трудящиеся Германии не готовы мириться с тем, что часть социальных или трудовых нормативов в Греции существенно мягче и по количеству рабочего дня, и по отпуску, и по другим параметрам. Получается, что греки меньше работали, а сейчас их нужно спасать. Поэтому унификация некоторых позиций в области движения капитала, бюджетов, рынка труда, товарных рынков должна происходить более активно, чтобы не допускать нарастания дисбаланса.

Мы смотрим на пример Европы как на ту модель, которая потом в определенной мере должна выйти на еще более глобальный уровень. Мы хотели бы, чтобы модель Европы, еврозоны состоялась, чтобы она показала успех. Поэтому мы видим ближайшую программу действий, разделенную на два этапа. Впоследствии всем, по-видимому, станет понятно, что и у Греции, и у Ирландии, и у других стран должны быть более строгие показатели экономики, за которые с них будут более строго спрашиваться какими-то органами Евросоюза. Но как быть сейчас? Как пройти эту зону? Простить, заплатить за это? «Заплатить за грехи»? Тогда заплатить придется другим странам.

Это очень серьезный вопрос. Он стоит перед Европой, он стоит перед всеми. Я думаю, что весь мир заинтересован в том, чтобы эта проблема была решена, в том числе — в краткосрочном плане, а не только в долгосрочном. Поэтому я понимаю, что нужно увеличить

Стабилизационный фонд Евросоюза. Мне кажется, МВФ нужно подойти к этому еще более серьезно. Будущий директор МВФ, который станет нам известен уже в конце июня, должен стать более активным, более жестким в части выполнения этой миссии глобального института, который должен следить за макропараметрами и дисбалансами и иметь больше ресурсов. Тогда мы будем говорить об увеличении капитала МВФ, и, по-видимому, в этом увеличении большее участие примут такие страны, как Китай и другие развивающиеся страны, в том числе — своими ресурсами. Они заплатят за свой голос в этих институтах, и мы получим изменение легитимности, то есть расширение участия других стран, но, с другой стороны, и консолидацию всех вокруг работы над глобальными дисбалансами.

Россия должна быть в полной мере вовлечена в этот процесс. Мы уже вовлечены, мы участвуем в размере примерно 15 миллиардов долларов и в новых соглашениях, и в заимствованиях МВФ, который формировал 600-миллиардный фонд помощи. И тем самым мы уже косвенно участвуем в поддержке Евросоюза через этот фонд МВФ. Мы готовы участвовать в покупке облигаций, гарантированных Евросоюзом, готовы расширять и участвовать в специальных механизмах заимствования, которые формировал Евросоюз. Таким образом, мы все больше связаны вместе работой над уменьшением рисков и созданием резервных фондов. Мне кажется, этот шаг к созданию глобальных институтов — это существенный шаг к уменьшению мировых рисков.

Последнее. Мы долго дискутировали в Двадцатке с моим коллегой-министром из Испании. Мы обсуждали, что мы готовы делать на первом этапе. И на первом этапе нам удалось добиться того, что США и Китай готовы подвергаться перекрестному независимому мониторингу и получать рекомендации. Мы еще не вышли на тот уровень, когда мы говорим о неких санкциях за существенный отход от каких-то приемлемых макропараметров. Мы все зависим от работы Федеральной резервной

системы, от дефицита США, поэтому нам неизбежно придется сделать этот шаг. Спасибо.

С. Гуриев:

Спасибо большое. У меня к Вам короткий вопрос. Вы известны как либерал, и в этом смысле, не кажется ли Вам, что грядущее сокращение госрасходов, о котором Вы говорили и которое, возможно, на самом деле произойдет во всем мире в долгосрочной перспективе, как сказал Олег, будет полезным для экономического роста?

А. Кудрин:

Очевидно, что мы должны сдерживать аппетиты государств. Больше дать простому частному сектору, частным инвестициям. Мне кажется, это существенный фактор увеличения роста.

С. Гуриев:

Спасибо большое. К нам присоединился Владимир Александрович Мау, ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте. Он был на брифинге по приватизации. Владимир, у меня к Вам несколько коротких вопросов, на которые я бы хотел получить очень короткие ответы. Что будет с американской экономикой, с европейской экономикой, с азиатскими экономиками, и есть ли еще какие-нибудь проблемы? И что будет с глобальной экономикой вообще?

В. Мау:

Вы знаете, два выдающихся экономиста дали два противоположных ответа на примерно так же поставленный вопрос. Джон Мейнард Кейнс сказал, что в долгосрочной перспективе мы все покойники, и это была пессимистичная точка зрения. А Джоан Робинсон ответила: «Это ты, Мейнард, покойник. А

все-то не будем». И с этой точки зрения вопрос о пессимизме и оптимизме, о том, что будет с экономиками, зависит от исторической дистанции и от критерия успешности. Понятно, что все эти экономики будут. И это уже хорошая новость. Понятно, что экономические революции и пересмотр балансов не происходят быстро. Если верна гипотеза, что этот кризис мог быть сопоставлен с кризисом 30-х и 70-х годов, то есть был не столько циклическим, сколько структурным, то опыт предыдущих двух кризисов говорит о том, что и этот кризис должен ответить на вопросы возникновения новой системы регулирования.

Если помните, в первые месяцы после взрыва кризиса, после Lehman Brothers, все мы стали кейнсианцами в вульгарном смысле слова: сказали, что все теперь будем регулировать. Но вскоре главы большинства стран взялись за ум и поняли, что речь идет скорее о новой модели регулирования финансовых рынков, о трансформации финансовых рынков, о сближении финансовых рынков: товарного, валютного и фондового. Поиски глобальной модели их регулирования, но вовсе не регулирование экономики и не возврат к системе традиционного регулирования. Понятно, что должен быть найден ответ относительно новой модели валютной системы. Роль юаня, роль региональных резервных валют — очевидный вопрос.

Опять же, кризис и 30-х годов, и в 70-е годы по-новому поставили вопросы и дали ответы на валютные ситуации в мире. Это ответ на вопрос о новых геоэкономических балансах. Это хорошо — контролировать США, поскольку все мы пользуемся долларом как резервной валютой. Но хочу напомнить классический ответ американского министра финансов начала 70-х годов, что «доллар — это наша валюта и ваши проблемы». В конце концов, если «вы» пользуетесь долларом, почему «мы» должны его контролировать? С таким же успехом мы можем предложить контролировать китайский спрос, поскольку это тоже очень важно для благополучия во всех остальных

странах мира. Я не думаю, что мир пойдет по этому пути и что это произойдет.

В общем, мне кажется, что в краткосрочной перспективе скорее можно быть осторожным пессимистом, поскольку кризис поставил вопросы, но пока не дал на них ответов. И возобновление роста, преодоление рецессии в этом смысле — это не завершение кризиса. Точно так же казалось, что кризис и Великая депрессия завершаются в 1935 году, а потом выяснилось, что это был просто некий этап. Вопросы поставлены, но ответов на них нет. Есть *moral hazard*, есть проблемы отказа от структурной перестройки.

Более того, я покушусь на святая святых. Я всегда был и остаюсь активным сторонником Стабилизационного фонда применительно к России. Считаю, что это очень важный механизм решения проблемы *windfall money*. Но вместе с тем опыт последних двух-трех лет показал, что Стабилизационный фонд — это одновременно существенное институциональное препятствие на пути модернизации, на пути структурной трансформации, потому что если у вас есть деньги, вы можете покупать стабильность, можно позволить себе продолжать реформы даже в условиях кризиса. Как найти выход? С одной стороны, нельзя отказаться от Стабилизационного фонда, потому что направление «горячих денег» в экономику опасно, бессмысленно. Но с другой стороны, как при наличии Стабилизационного фонда проводить структурную трансформацию (если цены на нефть не упадут, конечно)? Это тоже отдельный очень серьезный вызов для нашей экономики. На мой взгляд, один из самых серьезных вызовов для нас.

С. Гуриев:

Спасибо большое, Владимир. У нас кончается время, но зато у нас есть несколько вопросов для голосования.

С. Гуриев:

А сейчас пришло время голосования. Вопросы для голосования на экран, пожалуйста. Мы ответим на два основных вопроса: первый об источнике проблем, второй — об их масштабности.

Первый вопрос касается источника проблем. Считаете ли вы, что в ближайшие годы мировую экономику ожидает кризис или спад, и кто, по вашему мнению, станет его источником: США, Европа, Китай, развивающиеся рынки? Или вы считаете, что кризиса не предвидится?

Если вы оптимист, нажмите «5». Чтобы проголосовать, надо включить устройство, нажав зеленую кнопку. Затем у вас будет 23 секунды, чтобы выбрать ответ. У вас осталась еще 21 секунда, чтобы определиться. Нажмите зеленую кнопку и выберите «1», «2», «3», «4» или «5».

Итак, голосование завершилось. Рынки США, наверное, с нами не согласятся, но, тем не менее, наша аудитория считает, что именно США являются источником проблем. Позвольте мне задать вам другой вопрос. Кстати, оптимист вы или пессимист, зависит от определения. В России определение простое.

Как заметил Владимир Мау, все зависит от цен на нефть, а цены на нефть зависят от мировой экономики. Итак, перейдем ко второму вопросу: что будет происходить с ценами на нефть в ближайшие годы? Устойчивое повышение, понижение, или они останутся на прежнем уровне? Второй вопрос на экран, пожалуйста.

Еще раз прошу вас включить устройства, нажав на зеленую кнопку. Итак, если вы считаете, что цены на нефть вырастут, вы глобальный оптимист или же геополитический пессимист, потому что думаете, что в нефтяных державах произойдет что-то плохое. Цифра «2» — вы считаете, что все останется по-прежнему; «3» — вы пессимист по поводу мирового экономического роста или же оптимист в отношении технологического развития нефтегазовой отрасли. Выбираем «1», «2» или «3». Начинаем голосование.

Можно выбирать ответ. Нажмите зеленую кнопку, чтобы включить устройство, и голосуйте.

У нас осталось немного времени на еще один короткий вопрос. Времени совсем мало, если вопроса нет, может, мы его придумаем? Нет?

Ну, хорошо. Давайте посмотрим на результаты голосования.

Даже не знаю, что сказать. Вижу, в этой аудитории количество пессимистов несколько превышает количество оптимистов. Но отмечу, что и количество не определившихся определенно большое. На этом позвольте считать наше обсуждение закрытым. Аплодисменты участникам нашего круглого стола. Со своей стороны, могу сказать, что почерпнул много полезного. Надеюсь, вы тоже.

Спасибо. Благодарю всех за работу.